

КОГДА я шел на первый спектакль Московского театра мимики и жеста, меня отпугивала специфичность этого творческого коллектива. Но это чувство исчезло при первой же встрече с театром. Никакой непостижимой специфики не оказалось. Единственное отличие от обычного театра в том, что язык жеста глухих актеров переводится двумя актерами-дикторами — И. Тимофеевой (все женские роли) и Ю. Михайловым (все мужские). Все остальное (и главное) — принципы режиссуры, актерского мастерства — рождено тем же подлинным искусством, которое отличает нашу реалистическую школу театра.

Если вы придете на спектакль «Блоха», то попадете в волнующую атмосферу народного праздника. Вам представят знаменитый левковский сюжет в обработке П. Замитина в виде скоморошьяй игры — зрелище потешное и серьезное, стоящее одной ногой на ярмарочной площади, а другой — на современной почве. В этой прощанской переключке времен — лукавый замысел режиссера-постановщика А. Калиновского, одевшего актеров в холщовые шторты и длинные рубахи, обувшего их в лапти (даже царь в лаптях, только у него ошпиченные лапти — царь все-таки!). Но из этих костюмов бьют в глаза своей белизной «водолазки». И потом на протяжении спектакля сегодняшний день вдруг неожиданно будет напоминать о себе юмористическими и сатирическими своими чертами. Например, в разгар веселья, когда казак Платов на радостях (удалось выполнить поручение царя) угощает тульских мастеров, взявшихся подковать аглискую стальную блоху, вдруг является человек с мешком и начинает собирать у всех бутылки — для сачи! Сатирическим блеском отмечена сцена, в которой аглинская девушка Мери «оживляет» наивного Левшу «добропорядочным» стриптизом, чтобы он остался навсегда в Лондоне.

В этом спектакле сатира берет свое начало в фольклоре и органически преломляется че-

рез нашу современность. Это выражено двумя яркими символическими деталями, придуманными режиссером.

Первая — кулак Платова. Это огромнейший, спитый из поролона кулак, болтающийся на поясе. Он надевает его на руку всякий раз, когда нужно продемонстрировать силу. Так, нехитрая режиссерская находка буйного характера вырастает в символ, в знаменитый Кулак царских прислужников, которым испокон веков пресекалось

Кисельвароде (артист В. Чебышев), и казак Платов (В. Бондов), и Левша (Н. Худолый) — истинно поэтические образы. Они наполнены живой и яркой игрой актеров, в которой и озорство, и дурашливость, и тонкие сатирические намеки. Но когда в финале убивают Левшу, весь спектакль вдруг теряет свою беззаботность и обретает трагедийное звучание. Мысленным взором охватываешь его вновь — и уже видишь не забавные лица, но злобедные

ТЕАТР МИМИКИ И ЖЕСТА

на Руси волеизъявление народа.

И вторая деталь. Когда Левша, свершивший свой беспримерный подвиг во славу Русского Гения, утерший нос англичанам, подполз блоху, получает за это от царского министра ломаный грош и обращается за помощью к бюстикам порядка, то у этих холщовых фараонов уж больно современная полицейская выправка. И убивают они его теми же дубинками, которыми прыпками разгонять демонстрантов.

Игра актеров отличается культурой и вкусом, которые нигде не позволяют соскользнуть в грубый фарс. Достоверность художественного облика персонажей достигается тонким сплавом из изящного и легкого пластического рисунка, а также верности каждого образа фольклорной характеристике, которая закрепилась за ним в народных сказах. И все это пронизывает современная оценка образов, без которой они не предстали бы в такой сатирической заостренности. И царь-дурак (артист А. Коломенский), и его министр граф

маски кретиноподобных притеснителей, от которых когда-то страдал талантливый русский народ, от которых и сейчас страдают многие народы.

Особую роль в спектакле играют актеры-дикторы. Это не просто перевод языка глухонемых актеров, а творческое создание речевой характеристики персонажей, целиком отвечающей нашим зрительским представлениям.

Театру подвластна и другая драматургия. Пьеса польского драматурга К. Хонского «Ночная повесть» ставит серьезные проблемы социально-правственного поведения человека и разрешает их в острых психологических конфликтах. Здесь уже нет яркой зрелищности, как в «Блохе». Режиссер В. Знамеровский все подчинил углубленному исследованию психологии и «философии» отдельных молодых людей. Графический лаконично оформленный в серой гамме туристической базы, где происходят события пьесы. Привлекает сдержанная, внутренне сосредоточенная игра тех же актеров, которые

изумляли буйством красок в «Блохе».

Спектакль разворачивается перед зрителями как доказательство теоремы. Действительно ли, как утверждает Кароль (артист В. Чебышев), главарь и идеолог растленной четверки молодых людей, что в мире существуют только две категории людей — сильные и слабые, что первым все позволено за счет вторых? Что нет никакой моральной ответственности ни перед самим собой, ни перед другими? Другая группа, состоящая из студента Марька (артист Г. Митрофанов) и пожилых людей — инспектора (артист Р. Шувалов), фотографа (В. Соколов), шофера (Н. Худолый) и Пожилого (В. Шубин), должна дать ответ на эти вопросы. Четверка мерзавцев повордела свою машину, сбив по дороге мотоциклиста, с девушкой, и силой заставляет шофера грузовой машины, подбравшего раненых и привезшего их в турбазу, ремонтировать свою машину. И никто не решается обуздать молодчиков и помочь умирающему мотоциклисту. Философия немешательства бывшего узника фашистского концлагеря — фотографа, жалкая трусость инспектора, моральная мягкотелость Пожилого, казалось бы, говорят, что Кароль прав. И только один Марек бросает вызов этой фашистской теории, потому что не может жить с поправленным человеческим достоинством. Он гибнет, но гибнет восстановившим веру в человеческую гордость, без которой жить бессмысленно и противно.

Таков этот театр — театр больших гражданских чувств, расползающийся одаренными актерами. Все они окочинили. Заганговское училище, а как бывший педагог В. С. Знамеровский стал главным режиссером театра. За семь лет своего существования театр стал популярным не только в нашей стране, но и за ее пределами. Его высокая гуманистическая миссия — дать людям, лишенным слуха, свой театр, радость общения с настоящим искусством, приобщить их к миру больших чувств и идей.

Б. СУШКОВ.